

Маэстро Белякович на фоне юбилея

Мок. табла. - 1996. - 20 ноября. - С. 7

Театру на Юго-Западе уже двадцать лет! Незаметно для всех нас он вступил в свой двадцатилетний юбилей. Для меня - то действительно незаметно, потому что мне казалось, что совсем еще недавно был ГИТИС конца 70-х, студент режиссерского факультета Валера Белякович (кто мог узнать в нем бессменного мощного лидера одного из ярчайших театров?) и его первые спектакли на Юго-Западе, интригующие новизной, на которые ехала вся Москва. Хотелось эту фразу написать повысреннее, подчеркнув тем самым мое давнее знакомство с Валерой, не переставшим удивлять вот уже на протяжении двадцати лет.

Я только и делаю, что пою ему в течение этих лет дифирамбы, находя все новые комплименты и все не переставая удивляться. Словом, продолжаю свой затянувшийся монолог о Маэстро, разбросанный по страницам самых разных изданий; так сказать, развернутый во времени «черк стилей». Надеюсь, сквозь все мои наблюдения передается мое восхищение и моя любовь? С юбилеем тебя, Валера!

Его маленький театрик на проспекте Вернадского - это беспрерывные, многолетние, нервные аншлаги и несправимый зрительский ажиотаж, игнорирующий миф о непосещаемости театров. Количеству всего написанного о «Театре на Юго-Западе» позавидовал бы любой академический коллектив. Сценический язык его становится предметом детального театроведческого анализа в прессе и в монографиях. Ах, маэстро Белякович, в чем же Ваши загадки и каковы разгадки вечного притяжения Ваших спектаклей?

Вот программа последней премьеры, «На ее обложке» - по-прежнему впечатляющий репертуар более чем из тридцати названий, в основном все классика, и какая! Шекспир (несколько пьес), Гоголь (также не одна), Гольдони, Чехов, Булгаков (два названия), Сухово-Кобылин, Маживелли... Дальше - западная и современная драма... Репертуар какого-то неутомимого размаха, вроде бы не соотносимого с малюткой-сценой, как будто ее режиссер одержим манией величия и всеохватности. Да, он никогда не беспокоил себя мелочами, играя только крупно и по большому счету. Я, и не только я, знаю его всегда масштабным, всегда неистовым, человеком, в прицеле которого - лишь движение, страсть, порыв, «Уловение в бою». Словом, все то же, что обычно.

Он всегда будет проходить для нас по части «мужской ре-

жиссуры». То есть мужественной во всех смыслах. В чем сила и блеск его постановок? В его легендарном «штурме и натиске». (То - основа всего его творчества!) Его постановочная неотразимость - в атакующей остроте, в фирменном «сверхдавлении» его зрелищ, в упругом и бурном напоре, что является свойством самой его неуемной натуры. Собственно,

ему, с его темпераментом, не приходилось особенно выбирать: ритмы жесткой и лирических построений оставались для него навсегда неотработанными. Его стиль - экзальтация. Экспрессивное движение во всевозможных проявлениях - его человеческая и творческая суть. Его личные взрывчатые запасы и неукротимая энергия порождали неуязвимый пульс его постановок, их упругий огонь и эмоциональное напряжение.

Обжигающая энергетика его спектаклей (легендарная, мифическая, сто раз описанная и вновь открываемая свежим поколением современников) покоряет, сбивает с ног, вдохновляет (предпочтительно любое из трех). Это энергетика крупной личности, выдыхающей свой спектакль, как огненный залп. А общая экзальтация света, движения и звука превращает этот спектакль в осязаемый «поток, летящий с кручи» (название моей статьи о недавнем «Макбете»).

Его вечное вдохновение к дурочествам и легкомыслию в самых серьезных вещах породили гротеск, сатиру и фарс как ведущие жанры его сцены. Веселое канальство, шутство и кураж тут в обязательном составе всего и вся. Что клонит критиков к упоминанию по-

нятий цирка, балагана и скomorшества - олицетворяющих чисто русский архетип зрелища.

Таков его, Беляковича, личный артистизм, порождающий эстетический словарь его сцены. И таков на сегодня его «режиссерский прикид», в котором легко узнаваемы и новые его постановки.

В юбилейном сезоне подарили нам две свежие классические (конечно же) вещи: «Сон в летнюю ночь» (теперь четвертый Шекспир в его репертуаре) и «На дне».

Маэстро знал два главных полюса своих тяготений и распределит между ними поровну две свои юбилейные постановки - трагедию и фарс.

«Сон в летнюю ночь», одетый в оплывшие виноградные гроздья, стал, наверное, самым веселым его спектаклем. Из длинный и томно-скупой комедии Шекспира - путаницей действующих лиц, обманов, колдовства и прочих перипетий, в которых вечно невозможно разобраться, он сделал гомеровски веселую шутковину.

Его «экзальтированность» имел тут свой прицел: ракообразный приторно-поэтический сюжет, приготовивший из него прикольный капустнический фарс. Наверное на «классическое благородство» он позволил себе свободно отдаться тому, что у него выходит лучше всего - безответственному, шаллому, великопленному, нахальному, сочному, хулиганскому степу. Пьеса, наполненная чинными гражданами Афин и изящными лесными духами, превратилась во вселенский балаган с безжалостной бытовой аранжировкой, шутовскими физиономиями и безвозвратной марионеточностью. Даже самых юных красавиц лишили права на пошлость и лирику, облачив их в клоунашеские манеры и заставив разыгрывать буффонаду. О, было весело! Все нелюбилось в безумном хмельном угаре, бесконечных кульминациях, коды и финалы, путаясь, сменяли друг друга, течение было бурным, и не отдышал никто ни актеры, ни зрители. Все было вкусно. Празднично.

Эта вечная жажда праздника и загула у Маэстро, вообще-то, в крови, этого праздника ему всегда так хочется, и он, этот праздник, у него всегда слишком хорошо получается, слишком большое удовольствие доставляет... И, честно-то

говоря, он из всего (почти всего) готов устроить себе и нам фокус и веселье. Ну, а в «Сне в летнюю ночь» сам бог велел сотворить великое гулянье и разгул, шум и кутерьму, оргию без границ.

Весь этот вздор и дым, и гам, и треск, богатия, бредятина и отсбятина, которой подвергался наш милый Шекспир, разбавленный на восемьдесят процентов вольным текстом от Беляковича, омывали на розыгрыш. «Пьетета» к классику не ощущалось. Он игрался на жаргоне Колыды, был энергичен и груб. А может быть, так же, как бывали грубы и демократичны сам Шекспир и шекспировские актеры в шекспировские времена? Как знать, как знать, но кажется, что старичок Шекспир не стал бы особенно протестовать против этого «Сна в летнюю ночь».

А Горький? Наш пролетарский классик, может, и взгрустнул бы, но ненадолго - видя, как его эпохальная пьеса лихо пересказывается на Юго-Западе «своими словами». Боясь костылевской ноцлежки шпарили вольные «внутренние монологи» на темы своих персонажей, воплощая идею импривизации, которую когда-то, между прочим, и сам Горький вынашивал. Ну да что там. Сии вольности (такова уж участь классиков на Юго-Западе) оправдывались тут иными достоинствами.

Напрядновавшись и наколбродив в летних снах, Белякович в следующем спектакле поразил нас мистерией такой трагической силы, что упреки в «вольности текста» забылись сразу же. Надоевшая школьная пьеса «На дне» явилась мощной экзистенциальной драмой, где герои, обшившись в яростный хор, были одержимы лишь одним побуждением - мучительной жаждой обретения истины о себе и о мире. Экстаз поиска омысла существования, этой единой, на всех, идеи, превратил горьковскую пьесу в иступленный хоровой сюжет. Где музыкальный поток, синхронность пластических дей-

вий и общий вопль голосов, вступающих без пауз и передышек, неслись раскатанной лавиной. Прозвев привычные горьковские «собеседования в прозе», босяки друг за другом отбывали себе место на авансцене, чтобы выдохнуть в зал патетически-страстный монолог на тему «Кто я, зачем я?». Истовость их тенящих друг друга партий хватает вас за горло, рвет душу, томит сердце, и вы внезапно отдааете отчет, что Горький был блистательным провидцем, мучившем себя, а до сих пор и нас, «вопросами вечными, вопросами духа». Ведь иступленные монологи наших героев казались сейчас воззванием каждого к Богу и ко Вселенной, частицей которой вдруг сделались эти нелепые жалкие маргиналы.

Об этой постановке Беляковича много говорят и пламенно пишут, его Горький, пущенный в нас, словно пуля, стал «открытием». Собственно, как и все в его театре, основа которого - страсть и горение.

В отличие от некоторых сегодняшних авангардистов, любящих сочинять вещицы для себя, но не для зрителя (и тут можно много кого вспомнить), Белякович - воспитательный сардеч. Легендарный пламень его постановок рождает столь же легендарное, многолетнее, великое возбуждение его зала. Тот ответный жар, без которого его спектакли просто немислимы. И то священное слияние сцены и зрителя, ради которого, в общем-то, и живет театр. Да, Валерий Белякович демократичен, то есть неизменно обращен к нам с вами. Пусть он будет с нами всегда.

Ольга ИГНАТЮК.
На сценке: сцены из спектаклей «Сон в летнюю ночь» и «На дне».

Фото М.ГУТЕРМАНА.

Шеф-редактор
Наталья
БАЛАШОВА.